

Моё личное счастье. Встреча

А может быть, счастье скрывается под каким-нибудь псевдонимом? Е.Леи.

Я люблю тебя. Да, я серьёзно. Стою я сейчас перед тобой и говорю тебе эти три волшебных слова, значащих для меня и, возможно, теперь и для тебя, слишком много. Я Тебя Люблю. Ты сначала удивляешься, потом улыбаешься, стоишь нерешительно. Молчишь. Готов выслушать меня и, мне кажется, ты готов слушать вечно.

Я горячо описываю, как сильно я тебя люблю. Говорю, что люблю тебя уже давно, но боялась признаться в этом и наконец, решилась. Нам никто не помешает, меня никто не перебьёт. Даже ты. Я в этом не сомневаюсь. Я попросила тебя, когда ты выходил из класса задержаться после школы. Ты сначала отказался, но подумал и кивнул. Я тебе поверила, поверила в то, что ты придешь. И вот ты тут, со мной, во дворе нашей школы. Вокруг – никого.

Неожиданно, в уголке моего глаза появилась слезинка. Это не входило в мои планы. Плакать не входило в мои планы. Приходится говорить тебе правду, прошу у тебя прощения, и говорю, что слишком эмоциональна. Я перестаю говорить о своей любви к тебе, молчу. Страхиваю со своей щеки остановившуюся слезинку, одинокую и холодную. Мы оба молчим. Ты, видимо, не знаешь что сказать. Вот ты уже собрался открыть рот, чтобы что-то сказать. Я тебя перебиваю, прошу тебя, чтобы ты помолчал и выслушал меня. Очень прошу тебя об этом, ведь для того я и позвала тебя. Ты снова киваешь, закрываешь рот, садишься на холодный бетон ступенек школьной кладовой.

Я обдумываю следующие слова. Мысленно поддерживаю себя. Сначала мои слова идут не так, я заикаюсь, выдавливаю из себя что могу. Тут из меня хлынул поток слов. Я стала тараторить о своей жизни, о детстве. Из глаз текут слёзы. Ты смотришь на меня удивлённо, я волнуюсь, вдруг ты подумал, что я истеричка. Нет, нет! Просто эмоции на секунду взяли надо мной верх.

Я перевожу дыхание (вдох-выдох), сажусь рядом с тобой. Слёзы перестали идти. Ты тоже успокоился, снова готов меня слушать. Теперь я могу более здраво мыслить, обдумывая слова. Знаешь, моя жизнь самая обыкновенная и в то же время необычная. В детстве у меня была подруга, которая всегда поддерживала меня. Лучшая подруга. Я её лишилась. Она уехала, а потом и мне пришлось покинуть город своего рождения. Смотрю на тебя и вижу твое понимание и

сочувствие. Я удивляюсь. Как ты, весёлый, общительный человек, не знающий горя, можешь меня понять? Я тебе верю.

Я смотрю на небо, оранжевое от солнца. Закат. Скоро потемнеет. Но я продолжаю свой рассказ. Хочу сказать тебе, я уже вот третью неделю рыдаю по вечерам. Началось всё с того, что меня довёл близкий человек, не говорю кто. Довёл до слёз. Я тихо и быстро пробралась в ванную и зарыдала там, стараясь как можно тише всхлипывать. Я снова останавливаюсь. Ветер шепчет мне, что говорить дальше. Я и так знаю. Теперь всё идёт по плану. Волосы лезут мне в глаза, я вытираю оставшиеся слёзы.

Знаешь, у меня появился первый нормальный друг. Он не перебивает меня, слушает очень внимательно, понимает и поддерживает. Я его очень люблю, хоть он и не живой. Я зову его Дельфи-тян, он – дельфин на занавеске в ванной комнате. Когда я плачу, я прибегаю в ванную, чтобы меня не видели и всё высказываю Дельфи-тяну. Он всегда меня выслушивает, но порой я не понимаю, что он хочет мне сказать. А плачу я часто. Каждый вечер. Иногда днём, после школы. То от счастья, но чаще от горя. Например, книжку недавно второй раз читать начала – «Вино из одуванчиков». Не прочитала и десяти страниц, побежала в ванную и стала рассказывать Дельфи-тяну, насколько хочу лета, насколько хочу научиться рисовать, стать художником. Я поддерживаю себя, будет лето – будет множество идей для работ.

Я задумываюсь. Ты сидишь, молчишь, слушаешь. Продолжаю. А я вчера перестала плакать. Представляешь? Перестала плакать! Я была так счастлива. Ведь сестра в кои-то веки, наконец, сдержала обещание! Я обычно плачу перед сном. В тот день я очень устала, несмотря на своё счастье. Я хотела сбросить весь груз, что был на мне в школе, да и после школы. Но я не заплакала, хоть это уже вошло в привычку. Дельфин-тян говорит, что мне вредно часто плакать. Говорит, глаза болеть будут. Он сказал правду, глаза ужасно болели.

И я решилась признаться тебе. Знаешь, я думаю, и сегодня ночью заплачу. Хотя я уже это сделала сейчас, и ночью глазам лень будет вырабатывать слёзы. Или что они там делают...

Я останавливаюсь. Вспоминаю, о чём бы ещё тебе рассказать. Смотрю на тебя. Ты сидишь, смотришь в пол, ждёшь. Я вспомнила! Вчера ведь было первое марта. Я была очень счастлива. Началась весна, это значит, скоро лето. Солнце так тепло светит, согревает душу. Говорю, что готова выкрикнуть на весь мир: хочу лета!

Я снова молчу. Столько раз продумывала свою историю, а слова не идут. А ведь жизнь моя довольно скучна. Хотя я и сплю шесть-семь часов, я всё равно хочу спать, да не могу, ведь для меня это норма. Дольше восьми часов в день я просто не могу спать. А глаза слипаются каждый день. Будто, у меня бессонница. Боже, мне так плохо! В школе всё идёт не очень хорошо. И с оценками, и с отношением одноклассников ко мне. Никто на меня не обращает внимания, никому я не нужна. Да и мне, в принципе никто из них не нужен. Но они весёлые. Да и ты тоже. Спасибо, что хоть слушаешь мои жалобы. Знаешь, обидно просто. И я чувствую взгляды учителей, они *знают* какие в классе отношения. Я боюсь этого. Надеюсь, что они даже не догадываются, ведь тогда скажут моим родителям и обязательно поведут к психологу.

В детстве я сама хотела к психологу. Сейчас боюсь. Я вообще стала пугливой какой-то, всего боюсь. Насекомых стала бояться ещё хуже. Раньше в гостиной я видела призрак. Девочка в чёрном платье, точно куклолка появилась справа от меня, когда я обедала, с букетом чёрных цветков, не разобрала каких, и исчезла. Это было давно. А совсем недавно, когда я выходила из ванной, я увидела, как картонка, скрывающая дырку в ванной, отлетела. Я всё время жаловалась маме, чтобы она после стирки закрывала эту дыру кафельной плиткой. Она, видимо думает, что какая-то картонка спасёт от холода. Наивная. Возвращаюсь к картонке. Мне показалось, что длинная рука откинула эту картонку, собираясь схватить меня. Картонка отлетела в раковину. Я испугалась, выпрыгнула из комнаты, выключила свет и мельком увидела жёлтую руку. Потом, собравшись через некоторое время, я зашла туда, взяла картонку и вернула её в прежнее состояние – закрыла ею дыру.

Ха, я ненормальная да? Смотрю на тебя. Ты улыбаешься, смотришь на меня. Твои яркие глаза блестят. Я заглядываю в них, смотрю, насколько они красивы. Улыбаюсь тебе и перевожу взгляд в небо. Вижу, как пролетают птицы над головой. Счастливые, небось... Мне бы их счастья. Мне бы хоть немного чьего-нибудь счастья. Я вернула бы. Я всегда всё возвращаю.

Жалуюсь, что хочу спать. Знаешь, я очень хочу стать художником. Хотя какое тебе дело. Знаешь, а мне стало лучше. Да, намного лучше. Снова проникаюсь в недавние воспоминания. Снова говорю об одноклассниках, насколько я их ненавижу и насколько я их всё же *люблю*, вспоминаю каждого по очереди и одариваю их своей характеристикой.

Но мне приходится остановить список – следующий на очереди ты. Не знаю, что сказать. Я о тебе никогда не думала в таком плане. Хлынули слёзы, я их не вытираю, хоть не могу глаза открыть, впереди всё туманно. Слёзы такие горькие на вкус. И после них как груз с плеч - легко. Закрываю лицо руками, плачу вслух, с надрывом, громко и настойчиво. Ты сидишь. Ждёшь.

Я выплакалась. Смотрю на тебя. Ты, оказывается, был в замешательстве, не знал, что делать. Я встаю. Следующие слова не знаю, что тебе принесут – радость или печаль. Встав и надев сумку на плечо, говорю тихо и умеренно. Прости, что я солгала. Пожалуйста, прости меня. Я тебя не люблю и никогда не любила. Ты нравишься мне как человек. Я просто хотела выговориться, рассказать *живому* человеку о моей жизни. Прости, прошу тебя, прости. Ты смотришь мне в глаза, я не понимаю тебя. Встаёшь. Каменное твоё лицо ничего не выражает. Ещё раз прошу прощения. Не знаю, счастлив ли ты, что я тебя не люблю, или огорчен, но я – я очень счастлива. И мне ничуть не стыдно, что я воспользовалась тобой. Мне надоело разговаривать с вечно молчаливым Дельфи-тяном. Но я поняла, ты и Дельфи-тян ведёте себя одинаково. Что моему дельфину говорю, что тебе.

Повторюсь, мне ничуть не стыдно. От разговора стало легче. Ты поделился со мной частичкой своего личного счастья. И вот я счастлива. Ведь ты выслушал меня. Я стою к тебе спиной. Слёзы льются из моих глаз. Слёзы счастья, непонимания и страха, что же будет дальше. Страх перед будущим. Говорю тебе «прости» и ухожу. Уже стемнело. Ты приказываешь мне стоять, просишь подождать. Я слушаюсь. Я вся во внимании. Твой голос – хриплый, и твои слова – как будто разрывают воздух, они кажутся странными, неестественными в этой тишине, я так привыкла к тому, что говорила только я. Ты говоришь, что ты тоже счастлив. Говоришь, если я захочу выговориться, мне лучше обращаться к тебе, а не к Дельфину и сразу звонить именно тебе. Я счастлива ещё больше! Меня поняли, выслушали и теперь готовы слушать всегда. Я оборачиваюсь, резко киваю, с мокрыми глазами бреду домой.

А ты остаёшься там и провожаешь меня своим взглядом. Человек, который согласился поделиться со мной половинкой своего личного, вечного счастья.

For Art. 2011 год.

Верни мне моё тепло! Котенок.

Обними меня.

Пожалуйста, обними меня.

Мне снова плохо.

Второй месяц весны. В прошлое воскресенье так тепло светило солнышко. Меня даже звали погулять, но надо было убираться и делать уроки. А солнце всё светило. Это был последний день, когда оно поднялось так высоко и засветило всеми своими лучами, освещая город, уничтожая всё белое, заснеженное.

С тех пор прошло две недели. Первую неделю оно появлялось на рассвете, освещая меня на первых уроках. И вот снова погасло. Теперь же я его вообще не вижу. А сегодня льёт дождь. Он идёт уже три часа, если не больше. Я устала. Снова хочу спать. Моё прежнее состояние до нашей с тобой встречи снова входит в привычку.

Так сильно хочется взойти на крышу школы или своего дома, нет, лучше школы и крикнуть во всю силу, на что способен мой голос (собственно, я не проверяла, на что он способен), что я хочу жить по-настоящему. Что я хочу лета. Да, знаю, я нытик и зануда. Поверьте, раньше такого не было! Это всё зима... ха, вру самой себе! Нашла на кого сбросить вину! Говорю себе, что я должна быть сильной.

Сегодня, наконец, пятница! Я срываюсь. Мне очень плохо. Последний урок. Хочется взять и сбежать из школы. Прошусь выйти. Вот я выхожу, бреду до туалета. Включаю холодную воду, умываюсь. Слёзы накатывают мне на глаза. Почему?! - мысленно восклицаю я, и понимаю, что просто так, из ничего – они не могут пойти. Но вот глаза покрасневшие, в них стоят капли слёз. Кажется, мне никогда не было ещё так плохо.

Почему я хочу лета? Потому что будет тепло. Будет, кому согреть меня! Не будет этой школы. Я стану ещё усердней учиться, начну изучать английский язык в

полной силе. У меня такое представление о лете, будто летом всё будет хорошо. Нельзя так думать, нельзя.

Выглядываю в окно. Пасмурно, дождь моросит.

«Солнце, мне кажется, ты устало светить.»

Солнце, мне кажется, ты просто устало...»

Я дура! Тогда я ещё не знала, что это были ещё «цветочки».

Суббота. Утро. Слышу разговор родителей, собирающихся на работу. Они опять ругаются. Вдруг замолкают. Я слышу отрывки их фраз. Не получится повезти сумки. Не проедем. Я в замешательстве. Ливень, идущий третий день, помешает проехать загород? Они уходят, хлопая дверью. Я уже проснулась, всё равно не засну, встаю. Умываюсь. И только на кухне смотрю в окно.

Тогда меня пробила истерика. Я хохотала минут десять, пятнадцать. Затем села на пол и зарыдала во весь голос. По щекам текли слезы, они стояли в глазах, голос хриплый, задыхаюсь. Слезы солёные. Глаза болят ещё сильнее. Рыдаю и жалуясь на погоду. Кричу, что меня это достало. Кричу, что хочу лета. Кричу, что хочу хотя бы немного тепла. И мне уже плевать, что меня могут услышать соседи.

Я тогда твёрдо понимала, никакого чуда быть не может. Этот снег, заметавший город всего за одну ночь не растает так же быстро, как и появился. Чувствую, что весны уже не будет, не будет долгожданного предчувствия тепла. И никто, даже ты, мне не позвонишь, не скинешь СМС в трудную минуту, как сейчас, как это бывает в третьесортных фильмах. Не бы-ва-ет.

Если я сама попрошу помощи, мне будет стыдно за то, что я не могу справиться со своими проблемами сама. Да и если действовать самой, какое это уже будет чудо? Решаюсь прогуляться. Одеваюсь, выхожу на улицу. Шапку забыла. Есть капюшон, но не хочу его одевать. Снег приятными холодными точками ложится на и так уже мокрую голову. Такое ощущение, будто сейчас не девятое апреля, а восьмое января.

Дохожу до нашего парка. В голове бушуют истеричные мысли. Сажусь на скамейку. Плевать на мокрую погоду. Всё так бело. Только машины, раньше казавшиеся белыми, почернели до неузнаваемости от грязи.

А зачем я пришла сюда? Ждать чуда.

Я бы сейчас порисовала, не шёл бы снег. Редкие прохожие молча бредут мимо, стараясь, видимо, не замечать меня. И никто не спросит, в порядке ли я. Никто не предложит помощи. Так бывает только в сериалах. А мир на самом деле жесток.

Да, он не так жесток, как думаю я. Но когда в мире тебя окружает с каждым днём всё меньше прекрасного, задумываешься о смерти. Хочется исчезнуть.

Ко мне незаметно подбежала чёрная кошка и прыгнула на колени. Я немного потрясена. Чёрненький мокрый комочек пригрелся у меня на коленях и смотрел на меня жёлтыми глазками. Смотрю на него круглыми от удивления глазами. Котёнок такой милый. Наверно, как и я, ищет тепла, и у него нет хозяина. И только маленький чёрный котёнок согревал меня некоторое время. Для меня это было чудо. Для меня этого тогда было достаточно.

Знаете, я ошиблась. У этого котёнка была хозяйка. Она звала своё чудо с мягкими лапами. Я хотела отдать ей котёнка, вернуть ей тепло, но не хотела расставаться с ним. Если я отдам черныша, у меня больше его не будет. Не будет столь желанного тепла. Вот девочка уже рядом. Ей на вид лет пять. Она отчаянно ищет.

Я встаю со скамейки, держа котёнка в руках. Зову тебя. Ты оборачиваешься со слезами на глазах. Глаза такие красные. Ты напоминаешь меня. Теперь и у меня на глазах слёзы. Я показываю на котёнка, спрашивая, твой? Ты киваешь, бежишь ко мне. Ты кажешься такой маленькой в этом мире, в одной курточке, и мир так жесток и для тебя. Ты забираешь несопротивляющегося котёнка. Я плачу.

Ты спрашиваешь, почему же я плачу? Я мотаю головой, говорю спасибо тебе. Спасибо, что поделилась своим теплом. Обращаюсь, видимо к котёнку? Чувствую, что несу бред, и мне опять же на это плевать. Глаза болят. Слёзы льются ручьём. Но ты вдруг киваешь, будто понимаешь меня, и гладишь меня по руке. Твоя рука такая тёплая. И ты благодаришь меня за котенка. Ты поняла меня, когда я сама себя не понимала?

Ты не разозлилась на меня, что я его себе присвоила, не накричала на меня. Ты поняла меня. Маленькая девочка поняла меня и утешила. Второй человек поделился со мной своим теплом.

Я глажу котёнка, ты говоришь, что я могу навестить его, если захочу. Но это всё пустые слова, и я всё равно им счастлива.

2011 год

P.S. Привет, первый человек, поделившийся со мной счастьем. Знаешь, недавно со мной поделились своим теплом. Я бы хотела сказать тебе это, но не могу, боюсь помешать тебе. Если я тебя встречу, то не буду говорить, насколько мир несправедлив. Делая столько жестокости, он отправляет двоих людей, чтобы загладить свою вину. Но этого недостаточно. И я не буду говорить тебе это. Я просто скажу при встрече ещё раз спасибо.

Горькая правда жизни (вороны)

Перед домом снесли гаражи, нанесли на асфальт белые полосы-разметку. Машин стало в два раза больше. Была суббота, кто-то уехал на работу, кто-то спал. Присматриваясь, ворон медленно кружил вокруг фонарного столба, затем приземлился в ямку рядом. В ямке той сидел серый голубь с белым брюшком. Ворон покрутил деловито головой, взгляд его становился на голубе. Недолго его разглядывая, он, подпрыгивая, начал клевать голубя, разрывая его крылья. Тот не мог взлететь, кувыркался в ямке в траве и пытался хоть как-то защититься.

Тут прилетел второй ворон. Покружив немного над дерущимися, он приземлился рядом с ними и, крутя головой, разглядывал, будто наблюдал за чем-то вполне обычным. Он поскакал вокруг них и, следуя за своим сородичем, стал повторять действия и клевать бедную птицу. Летели грязные белые перья, мелькали серые крылья. Прохожие шли мимо, не замечая в траве борьбы беззащитного голубя с двумя чёрными воронами.

За всем этим наблюдал голубь, который сидел на проводе. Он не мог помочь своему другу; спустившись вниз, вороны бы и его разорвали. Ему оставалось сидеть на проводе незамеченным и только наблюдать.

Каким-то образом голубю удалось вырваться, он вылетел и приземлился около столба, лег, сложив крылья, поодаль от ямки. А там стояли два ворона и обдумывали план борьбы. Они вновь подскочили к голубю, и снова полетели перья. Голубь уже без сил, истекающий кровью, свалился с бордюра прямо под стоящую тут не первый день, машину.

Вороны думали-гадали, куда делся голубь, да не могли его найти. Они прыгали вокруг столба, крутили своими головками, разглядывая окружающих

чёрными, маленькими как бусинки, но всевидящими глазками. Вскоре им надоело искать, и они улетели. Голубь под машиной лежал и умирал: слишком много ран нанесли злые, голодные вороны.

Раздалось птичье щебетание. Это воробьи прыгали с ветки на ветку. А голубь, что на проводе, сидел ещё очень долго на своём месте; с наступлением темноты он улетел.

2011.

Тепло

Здравствуй, я снова вернулась. Позволь мне подойти к тебе и рассказать. На этот раз не будет грустного тона, не будет простых предложений, не будет занудства. Разве только самую малость! И будут восклицательные знаки!

У меня всё хорошо. Всё прекрасно уже год как. Школа, хобби, увлечения, мечты. Естественно, и грусти стало больше, но слёз меньше. Всё умеренно. Нет, не так. Всё относительно, все так, как и должно быть. В последнее время эта фраза всё чаще мелькает у меня в голове.

Почему я вернулась? Рано или поздно я бы вернулась – я всегда возвращаюсь. «Чтобы возродиться вновь, нужно умереть» — это я только что прочла последний дозор Лукьяненко. Мне стало грустно, чуть-чуть.

Помнишь, я тебе признавалась в любви, рассказывала о Дельфи-тяне? Кстати, его уже нет, я тебе говорила? – его заменили вертикальные широкие полосы: синие, голубые, салатные, а внизу горизонтальные короткие полосы тех же цветов.

А помнишь про котенка? Ах, да. Я тебе так про него так и не сказала. Но он был, да, - со мной после твоего счастья делились теплом. Мне тогда мир казался очень несправедливым. Я тогда так дорожила счастьем! – но это были всего лишь его отголоски.

Сейчас я по-настоящему счастлива – не буду говорить почему, что я сейчас делаю и вообще как живу, - только в эти минуты мне грустно из-за прочитанной книги.

Мне больше нечего тебе сказать. Я расту, становлюсь мудрее. Точнее умнее, в моём возрасте пригодно будет звучать «умнее». Меня не заботит более несправедливость окружающего мира. «Всё относительно, всё так, как и должно быть», верно?

Давай не будет о плохом. Видишь, я не люблю говорить о прошлом, будь то десять лет назад или всего лишь год. Для меня теперь значителен каждый день, каждая минута. Каждое мгновение, если мне удаётся его поймать.

Мне сейчас стыдно за то, какой я была раньше. Я была ребенком. Я и сейчас ребенок – потому что мне стыдно. Взрослым не бывает стыдно за то, какими они были в детстве, если только серьёзным людям, увязшим в грехах своего города.

Ты бы должен радоваться за меня – я становлюсь человеком, умнее на глазах, счастливая. Но кажется мне, что ты сейчас читаешь и грустишь. Ведь твоя... а кто я тебе? Твоя ученица? Твоя знакомая? Не подруга же, не сестра, даже одноклассницей теперь назвать нельзя. Пусть будет «твоя ученица». Так вот, она уже почти выросла. Осталось совсем чуть-чуть. Я ухожу, но не прощаюсь. Я ещё вернусь, обязательно. Но не жди, забудь на время обо мне.

Счастья тебе.

Твоя ученица,
которая училась жизни
далеко от тебя, Лу.

2012 год

Ящерица

- Расскажи мне сказку, - просишь ты.

- Малыш, я не знаю никаких сказок.

- Ну пожалуйста! – Улыбаешься ты, состроив такое грустное, жалостливое личико.

Какие малыши наивные! И как они разочаровываются, узнав, что взрослые не всё знают и не всё могут! Я не знаю сказок. Но ты разве понимаешь меня? Ты полагаешь, я всё на свете знаю, как знают мама или папа. Но я не могу объяснить тебе в твоём раннем возрасте, что это не так. Все дети сами это рано или поздно понимают. И у тебя ещё впереди разочарование, обычное для детей. Я хотела уложить тебя спать, выключить свет и бросить тебя, но тут кое-что вспомнила.

- Хорошо. Я расскажу тебе одну сказку. Но она с плохим концом.

- Давай! – Просишь ты, и улыбка твоя становится всё шире, напоминая мне улыбку Чеширского кота. И я начинаю...

Жила-была в поле ящерица. Зелёная, незаметная, окрас её сливался с окрасом поля. Жила она как все ящерицы – ловила себе пауков с червяками, грелась на камне в теплые, солнечные деньки, общалась с другими ящерицами, отбрасывала хвост, когда её пытались поймать за оный злые орлы да соколы, мечтала о семье. Убежищем её и родным домом служил старый, поваленный не то ветром не то человеком, ствол. В нём она ночами спала, в нём же пряталась, заведя опасность. Если солнце стояло высоко, сильно пекло землю, а в небе парил сокол, выискивая

добычу, ящерка, не в сила больше сдерживать себя, когда камни были далеко от ствола, выходила на солнечный свет, сидя на своём доме, готовая, чуть что – забежать обратно.

Но ничто не постоянно. Нежданно – негаданно пришёл человек в нехоженое никем раньше, поле. Пришёл – и забрал ящерку. Стояла тогда весна, канун лета – солнце в ту пору особенно часто забиралось высоко в небо, особенно сильно пригревало; в такую пору тучи никогда не появятся, если и появятся – то белые-белые облака – блуждающие овечки, гонимые ветром неведомо куда. Ящерка не успела насладиться этим солнцем, этим небом, этим шелестом травой совсем рядом, не успела попрощаться с другими ящерками-соседками, с которыми было приятно поболтать о погоде и пожаловаться; не успела завести семью, о которой так мечтала, как любая другая ящерка мечтает о своих детях.

Ей было страшно. Её засунули, как какую-то игрушку в коробку. Там темно и нету воздуха. А ещё там не было её любимых пауков, не было даже травинок, с которыми можно было бы слиться, чтобы спастись от злого сокола. Собственно, неба здесь тоже не было, в котором обычно летает этот сокол. Она не знала что делать, - замерла, сердце её испуганно билось. Немножко успокоившись и расслабившись, подремала, потому что для полноценного сна была ещё слишком напугана. Проснувшись и осмелев, обошла ее маленький тёмный мирок. Ничего нового она не обнаружило – он был пуст.

Неожиданно коробка затряслась. Её неровно подняли, и ящерка отлетела в сторону и начала скатываться вниз. Скатываться было некуда, везде были эти стены. Настоящая тюрьма, но в тюрьме хоть кормят и проветривают. Коробка встала ровно, но всё ещё дрожала. Вдруг крышка поднялась, большая рука склонилась над коробкой и вывалила в неё пару травинок да мёртвых мух.

Вскоре коробка перестала трястись, и Ящерке показалось, что наступила ночь. Она уснула. На следующее утро крышку коробки открыли. Показалось большое лицо человека и его руки с длинными пальцами. От открывшегося вида ей стало жутко. Человек же взял холодную толстую нитку жёлтого цвета и надел её Ящерке на голову. Нитка больно резала шею. Она не сопротивлялась, что можно было сделать? Ничего.

Ящерка закрыла глаза и, открыв их, увидела море солнечного света. Она стояла на белом подоконнике перед большим окном, а в окно ярко светило солнце. Она соскучилась по нему. Её за нитку тянули по подоконнику, она, не сопротивляясь, шла туда, куда её тащила нитка. Солнце так тепло согревало. Хотелось снять хотя

бы эту верёвку и стоять неподвижно на согревающем солнце. Счастье мимолётно: человек взял Ящерку на руки и бросил обратно в коробку. Тыча пальцем на насекомых и приговаривая что-то на своём языке, он что-то хотел от неё, а Ящерка не понимала, она боялась.

Так прошло несколько дней. Ей приходилось питаться мёртвыми насекомыми, которых бросали ей в коробку, довольствоваться домом-тюрьмой, разорванной травой и недостатком чистого воздуха. Ей это очень надоедало, она болела, но надо было жить. Ящерка должна жить, чтобы дать жизнь другим ящеркам, находившимся в её животе.

Один раз Ящерку вытащили из коробки и положили на живот другого человека. Люди глазели на неё, гладили её, видимо, пытались по-своему ласкать её. Было страшно, однако она быстро расслабилась и уснула. Утром она снова оказалась в коробке.

Так продолжалось очень долго. Ящерка смирилась со своей жизнью, уже не ожидая увидеть солнце без стекла. Не ожидала увидеть своих подруг, траву, тёплые камни, свой любимый дом. Рано утром человек открыл крышку. И как ты думаешь, что он там обнаружил? Одну спящую Ящерку и восемь маленьких белых яиц. В коробке опять началась тряска, но уставшая Ящерка спала и ничего не замечала. Она родила, теперь же можно было спокойно умирать. Только бы знать, что её дети все вылупятся, выживут и будут расти в нормальных условиях, не то, что их мама.

Ящерка проснулась. В ней почему-то было много сил и энергии. Она удивилась. Она не была в коробке! Это была та же полянка, что и раньше. Может это был сон? Ящерка тут же запаниковала. Где её дети? Где ещё не вылупившееся её потомство? Она поползла к своему старому пню. Её старый дом! Всё такой же, не изменился. Вроде бы прошла всего одна неделя, кажется, будто целая вечность пронеслась мимо.

Она зря беспокоилась. Вот они, все восемь яиц, в пне, где она раньше жила. Снова дома! На этот раз со своими детьми. Она всё думала, за что ей далось это приключение, за что её посадили в некую «тюрьму»? Она что-то не так сделала, или же это просто забава людей? Она не верила в это, обвиняла только себя. И самое главное, как она здесь оказалась? Не заберут ли её опять? Но это было неважно. Главное, - сейчас дома, со своими детьми.

Прошло несколько дней, два человека приходили иногда её навещать. Она в это время не выходила из дома, боясь, что их заберут. Из яиц уже вылупились

маленькие, резвые Ящерки. Они любили бегать, греться на солнышке и убегать от злых и страшных соколов, думая о весёлых приключениях. Они уже могли не надеяться на помощь и жить сами.

- Конец, - проговорила я, устало вздохнув. Хотелось пить.

Дорогой, ты меня ни разу не перебил. И я ни разу не остановилась. Первый раз, когда история захватила меня так сильно. Я улыбаюсь и смотрю на тебя. У тебя порозовели щёки, глазки горят, ты сам весь светишься, но только от чего? Неужели от счастья? Тебя захватила эта история?

- Тётя Лия, - зовёшь ты, - А что плохого в этой сказке?

Я колеблюсь. Я не знаю, как тебе сказать. Ты замечаешь моё волнение, видимо решил, что я тебе не скажу, и начинаешь теревить мою руку.

- Скажи, пожалуйста! Ну, расскажи! – Просишь ты снова.

- Ящерка-мать умерла

- Как?

- От старости, - пришлось соврать мне. – Я же сказала, у этой сказки не совсем хороший конец. Но ведь все рано или поздно умирают... не бери в голову, Малыш. Тебе сейчас всё равно не до этого.

Я улыбаюсь. Тобой люблюсь. Румянец исчез, лицо даже немного побледнело. Или я это себя накручиваю? Желая спокойной ночи, я целую тебя в лобик, поправляю одеяло, выключаю свет в комнате и тихо закрываю за собой дверь.

P.S.: Я соврала ведь. Хотя и не люблю врать маленьким, всё же я соврала. И снова почувствовала, какие дети наивные. Ящерку ту на самом деле я убила. Случайно. И всегда буду об этом помнить; так хочется вернуться в прошлое и не трогать тот поваленный пенёк, в надежде отыскать Ящерку и почувствовать её на своих руках.

2013.

Смерть

Здравствуй.

Сейчас лето. Вспоминается «Вино...», эти самые одуванчики, детство, друзья. Самый разгар лета, его середина, - июль. А завтра пятница тринадцатое! Вот думаю, что бы такого завтра сделать. Может, ужастик какой посмотреть? Например, «Пилу»?

Недавно умер Рэй Брэдбери, дядюшка Рэй, любимый дядюшка. Дядюшка такой сказочник! Что-то у него наивное, детское, а что-то серьезное, взрослое. Не стоит о нём. Извини, если расстроила этой новостью, собственно, это и не новость давно. Он умер в начале лета.

Здорово, да? Я родилась в конце лета. И умереть хочу летом, только как дядюшка Рэй. Не стоит о других людях, да?

Зачем это я пишу тебе, зачем?

А ещё я недавно выяснила, что моя слабость, моя наибольшая слабость – мерзкие вещи. Не буду ничего объяснять. Понимай, как хочешь, а лучше просто знай, что моя слабость – ужасы. Объяснений не будет, потому как не могу говорить об этом.

Мои письма тебе становятся всё скучнее, да? Зачем я тебе пишу? Это моё последнее письмо, и мы больше не увидимся. Кажется, я об этом уже говорила, но всё равно тебе писала. Не важно, больше писать не буду. Почему я в этом так уверена? Потому, что мне надоело. Не хочу вспоминать тебя, хочу забыть тебя!

Так что я тебе больше не буду писать, не-а. Не жди. Может быть, мы встретимся ещё в жизни, но мой курсив больше не увидишь. Я буду тебя вспоминать, как воспоминания о детстве, - с тоской, с желанием повторить ещё раз, но по-другому.

Я ещё столько тебе всего не рассказала! И не буду. Ты мне не пишешь и даже, думаю, не вспоминаешь обо мне. И не надо. Я начну жить.

Я хочу забыть тебя, очень. Но не смогу, только если кирпич мне не упадет на голову. Хочу-хочу-хочу забыть, ведь ты тоже моя слабость. Прощай, я ненавижу тебя.

Н Е Н А В И Ж У. Ты эти письма больше не прочтешь. Я их писала, надеялась как-нибудь, когда мы с тобой состаримся, отправить их тебе и потом вместе посмеяться. Глупо, очень-очень глупо. Ах, как я тебя ненавижу. Всё бессмысленно и бесполезно. Я думала, когда ты подошел ко мне, что ты – моя жизнь. Ты - тот, кто открыл мне глаза.

Я ошибалась. Ты тот, кто открыл мне глаза не на жизнь, а на смерть. Ты с самого начала показал мне не тепло, а то, что мир несправедлив. И совсем недавно, ты понял, да, когда именно? – я поняла, что жизнь прекрасна. Ты мне мешал, застилал глаза. И в тот момент я поняла. Мне помогла музыка, мне помогли слова и кофе, и люди, и деревья, и сама земля, и воздух. Я научилась дышать, как Дуглас понял, что он живет.

Как бы я хотела, чтобы все знали, что они живут. Они забывают об этом. Ты подлый. Ты... у меня нет слов. Я тебя ненавижу.

Пусть земля тебе будет пухом.

Я не закончила, а хотелось бы. Было бы идеально закончить письмо, последнее письмо, на этих словах. Однако я не закончила, я не люблю бросать дело на пол пути, *как некоторые*.

Что с тобой случилось - меня не волнует. Совсем. Мне интересно, что с тобой сейчас, где ты? Тебя, как и многих, положат в гроб и закопают. А потом? Переродишься ты, попадёшь в рай или ад? Собственно, мне и это не интересно.

По случаю этого письма, заглянула в интернет и посмотрела эпитафии. Никогда ими не интересовалась. Они такие ванильные, в компьютерной игре надгробные надписи и то лучше, там – слова классиков, философов, а в интернете всякая ваниль, типа «Помним. Любим. Скорбим».

Хочешь эпитафию от своей Лу?

«Счастье смертных - в собственных руках.

Все люди – властелины над собою»

Данте Алигьери.

Тебе очень подходит. Ну что же теперь, а? Я рада, что ты так рано погиб. Не ведал старости. Но...

Но всё же прощай. Я счастлива, я научилась жить, и меня ещё многое ждет впереди. А ты, тварь, разлагайся в своей могиле.

Рождество

Здравствуй! Хочу поздравить тебя с Рождеством.

Недавно был конец света. Как это было? Ну, прежде всего хочу сказать, что я надеялась. Не то, чтобы прям молилась на этот день, нет, я о нём вообще не думала, но когда говорили об этом дне - сразу в мыслях: «Хочу конец света». Я хочу зомби апокалипсиса! Можно и взрыв солнца устроить, можно затопить всё, что угодно, лишь бы все померли.

Но этот день был самый скучный. Я пошла в школу, в надежде, что хоть там-то будет весело, но все были такие скучные, унылые, больные. А день начинался хорошо, я даже поверила насчет того, что зомби уже идут из Сибири.

Ну так что. У меня всё хорошо. Читаю «Лолиту», да-да, наплевала на своё обещание не читать её, а начала почему – из-за слога. Очень хотелось почитать чего-нибудь Набоковского. Казнь немного скучна, а вот Лолита - самое то.

Сегодня вторник! Я уж считаю дни: вот понедельник прошел, все благополучно, вот вторник прошел. Осталось всего четыре дня и настанут каникулы! Очень хочу Новый год. Ну вот. Проснулся племянник, и все новости я рассказала своим друзьям. Извини. Тебе всегда достанется порция тоски, когда она приходит.

НО ВСЕ КОНЦА СВЕТА НЕ БЫЛО.

Я соврала. Сегодня 24 декабря, понедельник, 2012 год. Я не хотела больше писать тебе, и может, мне стоило бы писать другому человеку. Но все эти письма я отныне буду посвящать только тебе. С наступающим Рождеством тебя.

Мы все хотели конца света. Во всяком случае те, кого я знала. Этот мир стал скучен, он сгнил, как постепенно гниет мандарин. Мне уже нечего тебе сказать. Ты умер, ты позволил мне открыться, и я теперь высказываю всё своим друзьям. Мысли о конце света, о жизни, всё это достается моим друзьям. Плохой им подарок в моем лице, согласись. Но есть ли ещё что-то, что я могу сказать именно тебе, тебе – мертвому, что-нибудь, что предназначалось бы именно тебе, но с вероятностью, что эти слова могут быть прочитаны кем-то лишним? Боюсь, что таких слов нет.

Вся моя ирония, мои гнойные, полные зла слова я выплескиваю на друзей или подавляю. Если раньше (то есть совсем недавно) меня слушали, то сейчас уже просто молчат. Я устала, милый. Позволь я тебя так буду называть? «Милый» и «дорогой». Так ванильно. Так нежно. В особенностях – мертвецу.

Нет, я не издеваюсь. Я просто устала.

Каждый от меня что-то хочет. Это нормально. Но чуть ли не каждый намекает о моём будущем. Я пишу в портфолио, что со всем определилась, что распланировала своё будущее на три года. Ерунда это всё, я просто нагло лгу. Я потеряна. Заблудилась где-то, не могу найти верный путь. Я всё жду, жду случая

или человека, который бы меня вывел. Попадется мне медведь на моем пути или же лесник? Мне дается всего два года. Я правда, не знаю, что из этого лучше. Почему конца света не было? Было бы круто. Зомби-апокалипсис. Было бы великолепно.

Все бы сдохли. А если нет, поубивали бы друг друга, я надеюсь. А так приходится жить дальше, довольствуясь маленькими счастливыми ценностями. Да, я в эти минуты по-настоящему счастлива. Но даже в это время душа где-то в пятках тоскует об этом мире и жаждет взрывного шоу.

«Я устал. Хочу любви»

Ну так вот, я просто устала и хочу спать. Ложиться стала поздно очень, к часу-двум ночи. Но чувствую себя так же, как и раньше. Та же заспанная соня.

Что я могу тебе ещё сказать? Я бы хотела тебя увидеть. Услышать твой голос. Я скучаю. Где ты там? Зачем ты умер? Я снова скучаю по тебе с удвоенной силой.

Люблю. Лу.

Wrong

Здравствуй. Угадай, какое сегодня число? Ты, верно, думаешь, прошел уже год или два, или что я уже совершеннолетняя, то есть ты думаешь, уже прошло много времени с моего прошлого письма, как обычно и было. Но не в этот раз. Я пишу тебе на огрызке бумаги карандашом. А всё почему? У меня уже нет сил, я прошу, я кричу, я молю тебя... хотя. В реальности я просто пишу тебе вот это на

жалком клочке. Я устала. Мне нечего писать тебе, но хочется. Обратиться к тебе, увидеть тебя, услышать твой голос. Пожалуйста. Пожалуйста. У меня нет сил, плачу и кричу. Позволь мне увидеть тебя. Я хочу прошлое, хочу то, что было раньше. Я не живу, я жду, когда начну жить. Пожалуйста. Я не знаю, я не хочу, я...

Поздравляю с Рождеством.

Попробую написать это.

Я открою тебе тайну – уж не знаю, маленькую или большую.

Но эту тайну я не могу раскрыть даже самой себе.

Я всё жду момента. Когда кто-то умрет. Я так надеюсь.

Я хочу душевного расстроя, как это называется? Чтобы меня терзали мысли не свои собственные, чтобы не я нагоняла их, а случай. Например, смерть кого-либо.

Иногда я представляю страшные несчастные случаи. На дороге. На крышах. В школе. При этом я не выношу вида крови.

Куда приводят мечты, или куда приведут меня мои?

Я бы с радостью написала это на английском, ведь английский язык для меня сейчас красивее русского. Но я его не знаю так хорошо, чтобы красиво выразить свои мысли.

Когда я хочу, наконец, поставить себе условие, всё запланировать четко на бумаге, или хотя бы в голове составить всё по пунктам, когда я не в эмоциональном напряжении, а абсолютно серьезна, - все мысли исчезают. Испаряются. Их просто нет. Пусто. Никогда у меня в голове ещё не было так пусто. И всё время говорю себе, что это глупо. Help me, please.

Я ДОЛЖНА ЭТО НАПИСАТЬ, РАЗ И НАВСЕГДА, ПУСТЬ ЭТО БУДЕТ, КАКАЯ ТЕБЕ РАЗНИЦА В КОНЦЕ КОНЦОВ И НИКТО ЭТОГО НЕ УВИДИТ, ЭТО НЕ ГЛУПО, ЭТО ДЛЯ ТЕБЯ #ястараюсьоткрытьясамойсебе

Ребята из Хора нашли свою мечту – каждый. У Рэйчел самая волшебная мечта – попасть на Бродвей.

Чего хочу я, или каким я вижу своё будущее?

Заместитель директора преуспевающего книжного издательства. Но можно и главного редактора газеты или этого самого издательства. Редактор. Может быть, переводчик. Для этого – филологический факультет. Можно лингвистический, но не нужно. Значит, университет.

Самый высокий – МГУ! SO HARD! Хорошо. ЕГЭ. ЕГЭ.

Русский язык, математика, литература, обществознание, окау? Да. А раз да... надо готовиться. И учить инглиш всё-таки. Так значит. Готовимся-готовимся-готовимся. На ГИА мы выясним на что способны. Потом будем усерднее готовиться, выяснив, с чем не справилась.

А дальше – ЕГЭ. А так же в это время учим английский, учим. Если поступим, примемся за новый язык.

Как глупо всё это было. Лето перед 11 классом – а я иду в неизвестность. Да, я сделала выбор (архитектура). Но это только выбор. Всё остальное мне неизвестно.

Здравствуй. Ты скучал по мне? Хочется в это верить. Но я же наглая и эгоистичная, всё равно буду писать тебе, ибо больше писать некому. Когда я там писала в последний раз?... 5 лет прошло? Безумный выпускной класс был. Я полюбила своих одноклассников, и они полюбили меня, ты это и сам прекрасно

видел, только виду не подавал. Это было круто. Вот я поступила в универ, новый коллектив. Всё так сложно. Почему так сложно? Хочу прийти к тебе и обнять крепко-крепко. Я по тебе не скучаю, но ты даешь мне энергию, находишь что-то, ради чего можно жить. Помощи прошу твоей. Не то, чтобы я в депрессии, и не приуныла, но. Однокурсники мне не нравятся. По мне скучает девочка из архитектурного, и я по ней тоже, и по архитектурному. Меня там любят и очень ждут, и как же я хочу к ним! Я даже не знаю, правильно ли поступаю, учась с экономистами. Голова болит все чаще. Я не могу написать это письмо. Жизнь целиком и полностью унылое...

Прощай

Прощай. Я больше никогда не напишу тебе. Я стала взрослой. Так написано в паспорте, и я уже не чувствую счастья, веры в людей, искренности в своей жизни. Оказывается, это больно. Это ломает меня, и грусти становится все больше. У меня столько слов и в то же время я не хочу их высказывать.

Мне все тяжелей тебе писать, ибо нет желания что-то думать, о чем-то волноваться помимо себя и своей семьи, ни на что нет времени. Только бы выбить минутку отдыха, часик, день в тишине побыть.

Прощай. Я нашла тебя в томах Маяковского, Бродского.

Ты мне больше не нужен. Грустно.

Надеюсь, ты тоже нашел мне замену и тебе тоже больно.